

Чалмаев В.А.

Идея дома, святости семейного очага Пантелея Прокофьевича

Кто главный *эпический* герой первой и второй книг «Тихого Дона»? А кто до поры до времени герой в известном смысле *романический*, пришедший из традиционного семейно-бытового, любовного романа?

Обычно центральными, самыми активными, несущими весь груз занимательности в первой, самой «мирной» книге «Тихого Дона» считаются Григорий Мелехов, Аксинья и Степан Астахов. В пространство этого любовного треугольника вскоре попадает, как потенциальная разрушительница всего треугольника, Наталья Коршунова. Нет слов — грубо, бесчувственно к ее душе поступил отец Григория Пантелей Прокофьевич, выбрав ее в жены сыну, превратив Наталью в средство разрушения грешной, порочной связи сына с замужней Аксиньей. Иного он и придумать не мог.

«— Женить сукиного сына! — Он *по-лошадиному* стукнул ногой, уперся взглядом в мускулистую спину Григория».

Не только это решение, сопровождаемое лошадиным тупым топаньем, способно резко снизить в моральном, нравственном плане бородатого, хромящего, часто лукавого старика, бешено торгующегося со сватом о размерах «кладки», то есть даров невесте, молодой семье со стороны жениха. Если уж снижать героя — так снижать! Эпический художник не боится любых подробностей. В последующем этот лошадиный навык — как тщательно, однако, прописан в эпопее любой характер! — заявит о себе еще раз. Жена Пантелея Прокофьевича Ильинична угадывает приход мужа по шагам на крыльце:

«...*На туп знакомых ей шагов* повернула голову, остановила взгляд на мокрых от дыханья завитках бороды, теснивших рот Пантелея Прокофьевича, на слежалых, влитых в бороду усах, двинула носом, но от старика несло морозом, кислым душком овчины. “Тверезый ноне”, — подумала...»

Может быть, это парадоксально, но даже при всей яркости и красочности сцен свиданий Аксиньи и Григория, мук Аксиньи, готовой стать «двоемужницей», при всем изобилии человеческих типов, выставленных Шолоховым, — тут и агитатор Штокман, и дочь купца Мохова Елизавета, и Листницкий в Ягодном — центральный *эпический герой* первой книги именно Пантелей Прокофьевич с его правдой, с его «тупом» шагов.

Именно он и вторгается со своей правдой в романический по природе сюжет борьбы в любовном треугольнике. Вторгается грубовато, не избирательно, руководствуясь правдой рода, казачьей общины. Но ведь без его вмешательства, без решения «женить сукиного сына», романический сюжет быстро истощил бы себя.

Все эпизоды сватовства, свадьбы — это торжество эпического решения героя, его философии жизни. Согласно этой философии, дом человеческий, очаг семьи являются святыней, самым природным во всей человеческой жизни. Без дома человек — перекаати-поле, обсевок, пустышка, не имеющая корней.

Гениальность прозрения Шолохова в том и заключена, что ничего иного этот старый казак, хранитель традиций, выдумать не мог и не собирался выдумывать. Погулял в молодости — и хватит! «Жена — не рукавица», «женишься — переменишься» и тому подобные формулы живут в его сознании. Он и не предполагал, как усложнит он судьбы всех — в том числе и Натальи... Любовный роман с побоями и драками станет эпическим сражением за красоту, достоинство, счастье.

Именно Пантелей Прокофьевич, порой весьма смешноватый в своей гордости сыновьями, георгиевскими кавалерами, становится трагически-печальным, все время терпя-

щим поражения защитником своего гнезда. Его легко было представить стяжателем, кулаком, яростным монархистом, приписать Шолохову идеализацию старого быта...

В эпизодах, когда Пантелей Прокофьевич прячется от мобилизаций на чердаке, когда он захваливает свою родовую лихость, герой делается отчасти похожим на Щукаря из «Поднятой целины». Но одновременно Шолохов то и дело, почти произвольно, выделяет и огромный труженический опыт этого домостроителя.

В печальные промежутки разлада в молодой семье Григория этот смешноватый внешне старик обретает трагическое величие в борьбе за цельность своего дома, за изгнание некоей «порчи», напасти. Он ездит и в Ягодное к Григорию, воздействуя на него таким доводом: «Наталью мы возьмем!» А в беседах с ней, покинутой, безмужней женой, старик не может скрыть истинной печали:

«— Гришка наш, эх! – Старик горько закрутил головой. – Подковал он нас, стервец... как ладно зажили было-к.

— Что ж, батя, – высоким рвущимся голосом зазвенела Наталья, – не судьба, видать».

Опять — «закрутил головой», «подковал» — та же образность из обихода грубого казака-лошадника, как и «туп», но оттенок беспомощности, обиды снимает следы грубости. Мы видим по-своему прекрасного сердечного человека.

В трагические дни восстания, когда рушится большой дом Россия, когда весь мир во власти катастрофы, Пантелей Прокофьевич, как муравей, начинает тащить в дом все, что подвернется, что плохо лежит, что стало вдруг ничейно, «бесхозно».

Мы видим все более обостряющийся трагический поединок «естественного» человека, привыкшего вить гнездо, тащить «соломку» на его сооружение, скреплять даже кусочки старого быта, и исторических смерчей. Они разваливают, сносят это гнездо, рассыпают все составные его части. И прежде всего — отдаляют сыновей... Назвать это лихорадочное, безрадостное накопительство Пантелея Прокофьевича, всю его борьбу за сохранность дома, сохранность привычного ритма труда, сбережение детей и внуков «кулацким стяжательством» было более чем просто. Он даже... пулемет вывез откуда-то и спрятал для обмена, для «нужд» хозяйства! Но вспомните, как старик Мелехов радуется двум внукам — ведь и новый мир будет пуст без них, — как устойчиво мелеховское гнездо, пока он жив, пока этот хромой старик трудится на земле.

Горестная нота начинает звучать, когда этот герой впадает в равнодушие и начинает хулить свое же, невольно утраченное, — полушубок ли, поросенка ли — смутно догадываясь: «Какие-то иные, враждебные ему начала вступили в управление жизнью»...